

Пролог

На краю земли располагался океан, носящий название Къёкай, море пустоты.

Его восточный и западные берега представляли из себя два параллельных измерения. Обычно они были отрезаны друг от друга и связь или путешествия между ними не представлялись возможным. Однако в каждом из этих миров существовала одна и та же легенда. Легенда о сказочной земле, лежащей далеко за горизонтом.

Лишь немногие избранные могли посетить эту священную землю, известную своим плодородием и богатством. Считалось, что люди, живущие там, бессмертны и избавлены от боли и страданий.

В одном из этих краёв другой был известен как Хорай. В самом же Хорае заморского соседа называли Токоё. И вот однажды, в каждом из этих загадочных изолированных миров особенное дитя открыло глаза. В обоих мирах в тот момент царила глубокая ночь.

Он проснулся, разбуженный разговором. Несмотря на то, что говорившие практически шептались, их голоса отчётливо слышались в ночи. Это были его родители. Они разговаривали на улице. Место, в котором они жили, сложно было назвать домом. Это были лишь четыре грубых стены из соломы, поддерживаемые деревянными кольями, вкопанными в землю, сверху накрытые соломенной крышей.

У него не было кровати, он спал на голой земле. На улице стрекотали насекомые — типичное явление в это время года. Ночью было довольно прохладно, но ему даже нечем было укрыться. Приходилось греться о своих братьев и сестёр, спавших рядом.

В прошлом их семья жила куда лучшей жизнью, но пожар, уничтоживший их город, положил этой жизни конец.

— У нас нет другого выбора, — прошептал его отец.

— Но...— его мать на мгновение запнулась. — Может быть он и самый младший, но он настолько умён, что это пугает...

Лежавший в темноте мальчик поёжился. Он понял, что родители говорили о нём и из-за этого его сонливость как рукой сняло.

— И всё-таки...

— У него есть голова на плечах, и он умеет ей пользоваться. Другие дети в его возрасте едва ли умеют говорить. Он словно явился к нам из другого мира.

— Ты права. Но, так или иначе, он всё ещё ребёнок. Он не поймёт, что происходит.

— Меня беспокоит другое. Я опасюсь, что любой, кто попытается забрать его жизнь, будет проклят.

Мальчик натянул воротник повыше, закрывая уши, свернулся клубком и попытался уснуть. Он не хотел слушать, что будут говорить дальше. Пускай ему не было ещё и четырёх лет, но он уже понимал, о чём они говорили.

Голоса не затихали.

Он изо всех сил пытался не вслушиваться в них, пытался отвлечься, пытался заснуть.

Прошло два дня.

— Сын, — окликнул его отец, взирая на него сверху вниз. — Мне нужно кое-что сделать. Не хочешь сходить со мной?

— Конечно, — он не стал даже спрашивать, куда или зачем.

— Тогда пойдём.

Отец протянул ему руку. Выражение его лица было непонятным. Мальчик взял его за руку, они вышли из дома, прошли мимо множества обугленных развалин. Добравшись до горы Кинугаса, они уверенно преодолевали склон за склоном до тех пор, пока мальчик окончательно не потерял чувство направления.

Внезапно его отец остановился и отпустил его руку.

— Сын, жди здесь, — сказал он. — Я скоро вернусь. Это не займёт много времени.

— Хорошо, — кивнул мальчик.

— Будь здесь, никуда не уходи.

Он кивнул. Затем его отец направился прочь, периодически оглядываясь на него, и вскоре его фигура исчезла среди деревьев.

«Я не сдвинусь отсюда ни на шаг, я буду стоять прямо здесь», — стиснув кулаки, мальчик продолжал смотреть в ту сторону, где в последний раз видел своего отца. — Я не собираюсь пытаться вернуться домой».

Верный своему решению, он не сдвигался ни на шаг с того места, на котором его оставили. Когда наступила ночь, он уснул на том же самом месте. Когда он проголодался, он выкопал и съел пару съедобных кореньев там, до куда смог дотянуться. Он пил утреннюю росу.

Так прошло три дня. И теперь он уже не смог бы сдвинуться с места, даже если бы захотел.

«Я буду ждать здесь», — повторял он самому себе, полагая, что если он самовольно вернётся домой, то родители разозлятся на него.

Проходя мимо сгоревшего города, он успел увидеть горы брошенных трупов. Человека, на которого работал его отец, убил какой-то простой пехотинец из западной армии. Лишившись и дома, и работы, он никак не мог прокормить семью. Впрочем, будь у них на одного ребёнка меньше, возможно, они бы справились.

Мальчик закрыл глаза и поддался навалившейся на него усталости. Незадолго до того, как сознание оставило его, он услышал шелест травы неподалёку, словно к нему пробиралось какое-то дикое животное.

«Я буду ждать здесь».

Он дождётся, пока его семья оправится от случившегося и встанет на ноги. Дождётся, пока в этом мире, раздираемом войной, всё уляжется. И, когда люди заживут лучшей жизнью, тогда кто-то-то наверняка вспомнит про него, придёт сюда, похоронит его тело и позволит его душе отправиться в иной мир.

Он был готов ждать вечность.

Он проснулся посреди ночи из-за звука голосов. Он так устал, что не мог разобрать, о чём они говорили. Он понимал лишь то, что они обвиняли в чём-то его мать. Он попытался подняться,

чтобы вступить за неё, но не сумел преодолеть оковы сна.

На следующий день мать взяла его за руку и вместе они покинули деревню. Всю дорогу, пока они шли, она плакала.

Никогда раньше он не видел свою мать плачущей.

У него не было отца, мать говорила ему, что он ушёл куда-то далеко-далеко и не вернулся. Они переехали после того, как их деревушка сгорела. Дома у них не было, поэтому они спали на земле у окраины деревни.

Толпа, собравшаяся в деревне, потихоньку уменьшалась. И вскоре осталось лишь несколько человек. Он был единственным ребёнком. Все взрослые, не считая его матери, плохо относились к нему. Они били его и ругались, особенно когда он жаловался им на голод.

Сдерживая всхлипы, мать вела его через выжженные рисовые поля. Вскоре они добрались до горы и принялись взбираться на неё, пробираясь через густой лес. Никогда раньше он не забирался так далеко.

Когда они оказались в глубине леса, мать внезапно отпустила его руку.

— Давай отдохнём здесь немного, — сказала она. — Ты хочешь пить?

Он кивнул.

— Я пойду, попробую найти воды. Подожди здесь, хорошо?

Долгая ходьба утомила его, поэтому он снова кивнул, невзирая на то, что не хотел оставаться в одиночестве. Мать погладила его по голове, затем встала и поспешно направилась в лес.

Он сидел на земле. Вскоре, забеспокоившись из-за того, что его мать не возвращалась, он отправился искать её. Но, проблуждав по лесу некоторое время и пытаясь докричаться до матери, он так и не сумел найти ни её, ни путь обратно в деревню.

Холод и голод одолевали его, но хуже всего была жажда.

Он шёл, куда глаза глядят, плакал и звал свою мать. Вскоре ему удалось выйти из леса. Он оказался на берегу моря и, пройдя по нему, к вечеру он сумел отыскать деревню. Он оббежал всю деревню в поисках матери, но встретил лишь людей, которых никогда до этого не видел.

Он решил, что, должно быть, забрёл в какую-то другую деревню.

Затем к нему подошёл мужчина и спросил, что у него случилось. Давясь слезами, он кое-как объяснил, что с ним произошло. После этого мужчина потрепал его по голове и принёс ему немного еды и воды. Когда он поел, мужчина окинул взглядом потихоньку собиравшуюся вокруг них толпу, взял его за руку и повёл к скалистому утёсу.

Вдалеке на горизонте виднелся огромный, отвесный горный хребет, напоминавший своим видом гигантскую серую стену.

Они подошли к краю утёса. Мужчина вновь потрепал его по голове и пробормотал:

— Прости.

Затем он столкнул его с утёса.

Когда он открыл глаза, вокруг уже было темно. Он отчётливо чувствовал запах моря, который смешивался с запахом гнили и разложения.

Запах смерти.

Он уже успел привыкнуть к подобным ароматам, поэтому этот запах не напугал его и даже не причинил особых неудобств.

Он промок до нитки, ему было холодно и одиноко. Он почувствовал, как рядом что-то шевельнулось, и посмотрел в том направлении, но в темноте он сумел различить лишь большую угловатую тень.

Он заплакал, не столько из-за страха, сколько из-за переполнявшего его одиночества. Почувствовав плечом чье-то тёплое дыхание, он рефлекторно отшатнулся.

По его коже скользнуло что-то лёгкое и пушистое, похожее на птичьи перья. Должно быть, он оказался в гнезде какой-то большой птицы, и эта птица понимала, в каком состоянии он сейчас пребывал.

Теперь он был слишком испуган, чтобы пошевелиться.

Ощущение тепла и мягкости окутало его со всех сторон, птица обняла его своими крыльями. Он вцепился в её перья, не желая, чтобы это ощущение тепла пропадало.

— Мама, — кричал он снова и снова.

Место по ту сторону Къёкая никогда не было раем. Это была лишь мечта, которую лелеяли страдавшие жители Хорая и не менее страдающие жители Токоё.

Эти два ребёнка оказались брошены, каждый в своём мире, к востоку и к западу от Къёкая, но однажды им суждено было встретиться.

Им предстояло взвалить на свои плечи ответственность за царившую в мире разруху, поскольку они, так или иначе, стремились создать рай на земле.

<http://tl.rulate.ru/book/4471/455174>